

Глава 723: Имперский указ прибывает в снегу

Чжоу Тун полз, из всех сил пробивая свой путь по снегу, а кашель в его горле в конечном итоге преобразился в плач.

«Помогите мне... Кто-нибудь, помогите мне...»

Его предыдущие крики страданий и плача действительно были немного фальшивыми. Однако, пока он двигался из подземной Тюрьмы Чжоу в маленький внутренний двор, который купался в солнечном свете, а затем на аллею в холодном снегу, он постоянно бежал, постоянно искал надежду, но раз за разом был разочарован. В итоге он начал испытывать отчаяние, его воля рушилась, как поток, прорывающий дамбу.

Он плакал в боли, его слезы смывали часть крови на его лице прежде, чем замораживаться холодным ветром в неприятную смесь.

Его плач был неприятным на слух, как визг совы.

Как служащий, прославленный за свою жестокость, Чжоу Тун никогда не прощал этот мир, никогда не испытывал и крупицы доброты к нему, никогда не спасал этот мир хотя бы раз. Поэтому этот мир так же относился к нему с абсолютным холодом. Это не простит его, не спасет его. Свет Дороги Мира постепенно исчезал вдаль, а его путь вперед погружался в темноту.

У некоторых поместий все еще были широко открытые ворота, самым ближайшим было поместье Принца Чжуншаня. В ярко зажженных глубинах поместья Принц Чжуншань сидел на кресле с замороженной грушей в руке. Когда он вспоминал жалкий вид Чжоу Туна за воротами, он чувствовал себя невероятно счастливым, и даже у замороженной груши был более сладкий вкус.

Подчиненный рядом с ним колебался некоторое время, прежде чем сказать: «Этот подчиненный считает, что это неправильно».

«Что неправильно? Я давным-давно хотел разорвать эту старую собаку на части».

После паузы Принц Чжуншань добавил: «И сказанное Мо Юй имеет логику. Были ли чувства или нет, то, что я смог выжить до сегодня, может быть только добротой».

Этот подчиненный был ошеломлен. Он не ожидал, что принц действительно будет растроган словами Мо Юй.

Должно быть известно, что из принцев, которые жили в провинциях и графствах последние несколько лет, в самых худших обстоятельствах жил Принц Чжуншань. В сравнении с принцами других ветвей семьи, которые были жестоко отравлены до смерти, он действительно выжил, но он был вынужден жрать дерьмо и делать безумный вид... Это была еще более ужасающая судьба, чем смерть.

«Хороший ли вкус у дерьма? Конечно же нет, но думал ли ты когда-нибудь, что та женщина тогда смогла вынудить меня есть дерьмо; ты хочешь сказать, что она не смогла определить, что я притворяюсь безумным?»

Принц Чжуншань невыразительно сказал: «Она, естественно, знала, что я просто притворяюсь, но она не раскрывала это, потому что ей нравилось видеть, как я жру дерьмо. Но, по крайней

мере, она не заставила меня умереть, и, по сравнению со смертью, чего стоит есть дерьмо? Мы - потомки Сына Небес, кто из нас не сможет есть дерьмо?»

У каждого из десяти с лишним поместий принцев были свои причины закрыть ворота, игнорируя Чжоу Туна.

Самый честный и трусливый из них, Принц Лоуян, прятался под тремя слоями покрывал, с одной стороны волнуясь о безопасности Мо Юй, а с другой стороны молча проклиная Чжоу Туна.

Что касается самого опытного и осведомленного принца, самого могущественного Принца Сяна, он даже не был дома сегодня.

Ворота поместья Принца Сяна были открыты, а молодой Принц Чэнь Лю стоял на свету. У него было спокойное лицо с оттенком беспокойства.

Чжоу Тун прополз мимо него, а вслед за ним прошла Мо Юй.

Принц Чэнь Лю проигнорировал Чжоу Туна и сказал Мо Юй: «Я думаю, этого достаточно».

Мо Юй проигнорировала его, продолжая использовать меч, как плеть, подгоняя окровавленного Чжоу Туна вперед.

В конце Дороги Мира было большое поместье, украшенное с особой заботой и роскошью. Даже недавно обновленное поместье Принца Сяна не могло сравниться с ним.

Это место было домом клана Тяньхай, самого могущественного клана на континенте последних двух столетий. Могучие фигуры клана Тяньхай, такие, как Тяньхай Чэньву и другие старейшины, естественно не остались сегодня в столице в такой чувствительный момент и давным-давно покинули поместье на окраине города.

Ворота все еще были открыты и ярко освещены. Тяньхай Шэнсюэ стоял под светом в одежде более белой, чем снег.

Чжоу Тун выполз за ворота, посмотрев на него глазами горького чувства обиды. Однако, он не мог молить пощады или проклинать. У него уже не было сил говорить.

Раздался смех, как серебряные колокольчики, постепенно сменяющийся плачем.

Принцесса Пин стояла за Тяньхай Шэнсюэ.

После переворота во дворце она вернулась в клан Тяньхай. Говорят, что через некоторое время она может выйти замуж за Принца Чэнь Лю.

Глядя на Чжоу Туна, с трудом ползущего по снегу, она улыбнулась немного безумной улыбкой, а ее прекрасное лицо было в слезах.

«Ты сегодня сильно похож на собаку!»

Она позвала Чжоу Туна, ее слова были, как проклятие.

Тяньхай Шэнсюэ не останавливал ее, только держал ее плечо, чтобы она вдруг не напала на Чжоу Туна.

Он смотрел на окровавленную Мо Юй и довольно серьезно сказал: «Этого уже достаточно».

Смысл его слов был таким же, как у Принца Чэнь Лю.

Мо Юй была кем-то, кого Имперский Двор должен был арестовать, человеком номер один в их списке разыскиваемых.

Мо Юй ничего не сказала. Когда она вернулась в столицу, у нее никогда не было намерений уходить живой.

.....

.....

Разум Чжоу Туна был в беспорядке; даже отчаяние и злоба уже отступили. В этот последний момент оставался только один вопрос.

Почему никто не приходит спасти меня? Директору Шану надо только пошевелить пальцем и я останусь в живых, так почему я должен умирать?

Как и те огромные звери, живущие на заснеженных равнинах севера, когда он почувствовал неминуемую смерть, он подсознательно отправился к месту, с которым был лучше всего знаком, чтобы дожидаться прихода смерти.

Для Чжоу Туна местом, с которым он был лучше всего знаком, естественно, был тот маленький внутренний двор на аллее Северного Военного Департамента, так что он направился в том направлении.

То место на самом деле было очень близко к Дороге Мира. Именно по этой причине он так быстро смог привести своих подчиненных к Поместью Сюэ, когда там проводились похороны.

Однако, когда он полз по ледяной улице, это расстояние стало невероятно длинным, Это также было связано со случайными вспышками проблесков меча за ним.

Мо Юй все еще иногда совершала взмахи мечом. Каждый раз, когда она это делала, она отрезала кусочек плоти Чжоу Туна.

Кровь Чжоу Туна почти закончилась, его вопли боли становились слабее и слабее, пока не растворились в пустоте. Он продолжал ползти по снегу, как какой-то нечувствительный человек из дерева.

По обеим сторонам улицы появилась толпа зрителей. Пока они наблюдали, как окровавленного Чжоу Туна резали и унижали, их изначальный шок превратился в подсознательную радость. Каждый раз, когда Мо Юй атаковала мечом и отрезала кусок плоти, толпа радостно выкрикивала.

.....

.....

Снег все еще падал с неба, но в небе на западе были видны звезды.

Земля во внутреннем дворе в аллее Северного Военного Департамента была уничтожена. Она была разрезана на бесчисленные части порезами многих, многих мечей.

Тюрьма Чжоу действительно была уничтожена. Здания и тюрьма на поверхности, и даже камеры глубоко под землей были разрыты.

Эти инструменты пыток, покрытые кровью и человеческой плотью, отрезанные конечности и трупы формировали вместе сцену чистилища на земле.

Сюэ Хэ открыл двери во все тюремные камеры, так что все заключенные с более легкими ранами уже сбежали. Оставались только те с тяжелыми ранениями, кто был на грани смерти.

Те пленники, которые перенесли бесчисленные пытки, были самым прямым доказательством этого подземного царства, принесенного в мир смертных.

Звездный свет проливался на Тюрьму Чжоу, его священный и прекрасный свет контрастировал с тошнотворным зрелищем крови и мерзости.

Гробовая тишина.

Сяо Дэ и эксперты армии убили множество людей, которых они не могли сосчитать, а ассасины Павильона Небесных Тайн все были невероятно коварными индивидами, но никто из них не видел такого жалкого зрелища. Даже служащие Департамента для Очищения Чиновников испытывали отвращение от вида этих окровавленных комнат и гротескных инструментов пыток, хоть они и видели их много раз, и даже лично проводили эти пытки.

Возможно, потому что это кровавое и тошнотворное зрелище никогда не раскрывалось под светом дня.

Не было видно следов Чжоу Туна.

Снаружи внутреннего двора было слышно множество шумов, но ощущалось странное чувство тишины.

Чэнь Чаншэн был в крови, возможно, в своей, а возможно, и в чужой.

Он вышел из внутреннего двора. Все его мечи уже вернулись в ножны, но никто не останавливал его.

На улице было столпотворение людей. Люди стояли плотной массой за исключением пустого пространства по центру.

Чжоу Тун лежал на снегу на последнем издыхании. На его теле было слишком много ран. Можно было даже сказать, что он был порублен на куски.

Чэнь Чаншэн подошел к нему.

Чжоу Тун с большим трудом поднял голову, чтобы взглянуть на него. Он на удивление смог узнать Чэнь Чаншэна, и в его сердце расцвела последняя надежда.

С его точки зрения Чэнь Чаншэн определенно презирал его, иначе почему бы Чэнь Чаншэн каждый миг думал о его убийстве?

Он не боялся, что Чэнь Чаншэн ненавидел его, он только боялся, что Чэнь Чаншэн недостаточно его ненавидел.

Он твердо верил, что у него было невероятно глубокое понимание человеческого разума. Чем

больше кто-то презирал, тем меньше он желал видеть, как его враг умрет.

Давай, порежь меня еще больше своим клинком, пытай меня, унижай меня, кастрируй меня, скорми мне сало, сделай из меня самого отвратительного толстяка, а затем выжми из меня сало для использования в лампах!

Все сойдет, только не убивай меня прямо здесь.

Молю тебя.

Услышал ли он мысли Чжоу Туна или нет, Чэнь Чаншэн обнажил свой меч.

Не было унижений или пыток, мести, только яркий проблеск меча, чистое намерение меча.

На шее Чжоу Туна со свистом появилась тонкая линия крови, которая быстро расширилась. Его голова в конечном счете отделилась от тела.

Чжоу Тун умер, широко раскрыв глаза в смятении.

Последним вопросом в его голове вероятно был 'Почему так просто?'

Чэнь Чаншэн больше не смотрел на труп Чжоу Туна. Он подошел к Мо Юй и сказал: «Ты пришла».

Мо Юй ответила: «Да, я пришла».

Она чувствовала себя довольно уставшей и села прямо на землю.

Чэнь Чаншэн тоже почувствовал себя довольно уставшим и присел на землю рядом с ней.

Тень в углу улицы зашевелилась, и появился Чжэсю. Он был очень уставшим, но не присел, потому что знал, что скоро начнется еще одна битва.

Земля затряслась, и шторм мчащихся копыт встряхнул снег.

Прибыло несколько сотен Имперских Стражей в черной броне.

Сяо Дэ и другие эксперты стояли рядом.

В какой-то миг появилось около десяти Даосистов в синих робах непостижимой культивации.

Внезапно снова раздался звук копыт. Прибыл молодой евнух на лошади с желтым имперским указом в руке.

Имперский указ, естественно, был прислан дворцом.

Молодой евнух объявил всем присутствующим обвинения против Чжоу Туна, двадцать два в сумме.

Эти двадцать два преступления впоследствии были подсчитаны. В это время никто не думал о том, чтобы запомнить их детали.

Все были в шоке, от служащих Департамента для Очищения Чиновников до солдат Имперской Стражи.

Чэнь Чаншэн тоже не мог запомнить происходящую сцену.

Он только помнил, что голос молодого евнуха был весьма пронзительным и скоротечным, иногда близким, а иногда далеким. В целом, он не казался реальным.

Он также мог смутно вспомнить, что имперский указ также упоминал что-то про смерть от тысячи порезов в самом конце.

Но Чжоу Тун уже стал кучей порубленной плоти на снегу, его голова уже была отделена от тела.

Он более не мог поблагодарить императора за его доброту.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/217782>